

ГЛАВА

Мечи были на первом месте. Любовь может прийти позже — а может и никогда, но Элора скорее умрет, чем проживет день, не подняв меча. Обычно ее отец тренировался с ней, но теперь, когда он слишком занят, устраивая ее брак с богатым старым торговцем, ей нужно самой найти нового партнера.

Лезвие рассекло ломкие красные листья, которые цеплялись за куст у ее дома. Каждый из них издал мягкий хруст, прежде чем опуститься на потрескавшуюся землю. Холодный воздух обдувал ее лицо, когда она снова взмахнула мечом.

Через пару недель листья опали бы сами. От этого было не так приятно их кромсать, но хотя бы полезно.

Когда на кусте остались только голые ветви, Элора поднесла меч к стволу ближайшего дерева. Острый металл врезался в грубое дерево. Когда девушка вырвала меч, чтобы сделать еще удар, посыпалась кора. Не потребовалось много времени, чтобы ствол покрылся глубокими порезами. Ее мать от этого вида вздохнула бы. А отец бы усмехнулся.

Ничто из этого не заставило Элору почувствовать себя лучше. Она фыркнула, срезая верхушки с прекрасного куста диких цветов.

Разве это нормально — так злиться, ожидая встречи с суженым?

Одна только мысль заставила ее и без того бурлящие эмоции вскипеть. Хотя нижняя губа дрожала, девушка отказывалась признавать что-либо, кроме меча в руке. Она рассекла воздух, на этот раз срезав еще один куст, красные листья которого были готовы вот-вот опасть.

Даже после того как листья были уничтожены, Элора продолжала вращать мечом и рубить. Мышцы рук болели, но это не мешало ей размахивать клинком так, словно от этого зависела ее жизнь.

Все, что угодно, только бы сдержать слезы.

По плечам девушки пробежала дрожь, когда меч скользнул по дереву, а не по намеченной цели — кусту. Боль пронзила ее горло, когда она попыталась сглотнуть. Элора опустила руки, которые ощущались теперь тяжелее, чем обычно. По шее стекали капли пота, а изо рта вырывалось частое и тяжелое дыхание.

Крепко сжав рукоять меча, она прижалась лбом к ближайшему дереву. Почувствовав знакомый запах толстой коры и липкой смолы, девушка задумалась: будут ли в ее новом доме деревья, которые пахнут так же?

Ее губы задрожали. Снова.

Фыркнув, Элора оттолкнулась от дерева и сунула серебряный клинок в ножны. Пояс, обернутый вокруг нижней части ее корсета, удерживал вес ножен и меча, равномерно распределяя его на бедрах.

Даже на свежем воздухе ее кожа ощущалась слишком теплой. Девушка поморщилась, глядя на мягкую ткань, покрывающую ее руки. Длинные рукава нательной рубашки, возможно, и были из легкой ткани, но всегда мешали, когда она использовала свой меч. Шерстяная юбка ее не смущала. Она много лет назад научилась сражаться в юбке. Кожаный корсет на самом деле помог ее навыку владения мечом, поддерживая туловище и действуя как своего рода броня. Но льняная нательная рубашка?

Девушка сразу отрезала бы рукава, если бы не была уверена, что ее мать при виде этого упадет в обморок. Возможно, Элоре *следовало* больше беспокоиться о своей внешности, учитывая, что она собиралась встретиться со своим будущим мужем.

По крайней мере, насыщенный фиолетовый цвет держался дольше, чем богатство ее семьи. Во всяком случае, он ей подходил. Светло-каштановые волосы мягкими волнами свободно ниспадали на ее спину. Это была не общепринятая прическа: ни косы, ни

гребня, ни даже лент. Но это единственное послабление, которое она смогла позволить себе, когда собиралась сегодня утром. Оставалось надеяться, что ее суженому нравились длинные волосы.

В горле застрял ком, который было бы куда легче игнорировать, если бы в тот же миг глаза не наполнились слезами. Она сморгнула их прежде, чем они успели пролиться. Это не изменило того, что корсет казался слишком тугим, а сердце — наполненным тяжестью.

Не обращая внимания на все это, девушка провела пальцами по обтянутой кожей рукояти своего меча. В любом случае для эмоций не существовало причин. Это был брак, а не смертный приговор. Поскольку до ее восемнадцатилетия оставался месяц, она надеялась провести дома *немного* больше времени. Чуть дольше оставаться свободной.

Но кузница ее отца вот-вот разорится, и этот брак — единственное, что могло спасти ее... и семью.

Мама всегда говорила, что красота Элоры — везение. Теперь эта красота купит мужа, который сможет спасти ее родителей и двух младших сестер от финансового краха. Все, что она должна была отдать взамен, — всю себя совершенно незнакомому человеку.

Действительно... повезло.

Вены на ее руке пульсировали, когда она крепче сжала рукоять меча. Девушка заставила себя глубоко вдохнуть и выдохнуть, заставляя сердце перестать так быстро колотиться. Не получилось. Почему сердце

могло делать все, что ему заблагорассудится, но разум все еще должен был принять брак?

Прежде чем мысли вышли из-под контроля, Элора потянулась под корсет, напоминая себе о последней цели. Она хотела выиграть турнир по состязанию на мечах. Разумеется, женщинам не разрешали участвовать, но она готовилась к этой цели в течение нескольких недель. Чтобы оставаться незаметной на турнире, ей просто нужна была подходящая одежда.

Легким движением она вытащила из-под корсета кусок пергамента. Осторожно раскрыв его, девушка разгладила складки, проведя пальцем по рисунку. Тонкие карандашные линии и цветная краска объединились, изображая рыцаря в доспехах. Недавно ее отец приобрел книгу, наполненную рисунками, изображавшими жизнь в соседнем замке. Картинки и описания садов и одежды были очаровательными, но этот рисунок рыцаря стал самым любимым.

Задержав палец на мече рыцаря, Элора внимательно изучала его позу. Годы тренировок с отцом научили ее правильной стойке. И все же мужчина на рисунке казался благороднее и галантнее.

Выпрямив спину, она выхватила меч из ножен и попыталась встать в ту же позицию. Как это часто случалось в последнее время, воздух вокруг был застоявшимся, ни намека на ветер. Проведя мечом перед собой, девушка создала свой собственный вихрь.

В ее сознании кожаный корсет и шерстяная юбка исчезли. Вместо них она представляла себя в тяжелой кольчуге с белой туникой, подпоясанной сверху.

Подходящее облачение лежало в пыльном сундуке, в кузнице ее отца. В их деревне *могли* узнать старую турнирную одежду отца, но это было единственное мужское одеяние, которое она сумела достать.

С закрытыми глазами Элора наносила смертельные удары мечом вперед. Мгновение спустя она приоткрыла один глаз, чтобы взглянуть на рисунок рыцаря. Девушка изменила положение ног, чтобы соответствовать стойке, и опять закрыла глаза, готовая двигаться.

Когда Элора снова взмахнула мечом, она не просто представляла себя в рыцарском облачении. Теперь в своем воображении девушка стояла напротив Теобальда — величайшего бойца и создателя мечей из когда-либо живущих. Его мастерство снискало славу и известность благодаря турнирам, которые он выиграл.

Теобальд являлся ее отцом, хотя она рисовала себе его более молодую версию, с которой можно было бы сражаться.

Теперь возраст взял свое, но когда-то отец Элоры обладал невероятным мастерством владения мечом. В ее детстве он проводил столько же дней за ковкой новых мечей, сколько и участвовал в опасных турнирах. Девушка вспомнила, как сидела на коленях у матери на переполненной арене, в то время как отец без особых усилий побеждал любого противника, который вставал у него на пути.

Элора снова опустила руки, когда юбка заколыхалась вокруг ее ног. Иллюзия исчезла в мгновение ока.

Ей не сойдет с рук, проберись она на турнир, даже в соответствующей одежде. Слишком много людей разозлятся, если узнают об этом. Мрачная правда всегда таилась в уголках ее сознания, но девушка изо всех сил старалась не обращать на нее внимания. Независимо от того, что все остальные думали о женщине, владеющей мечом, она должна была поучаствовать в турнире. Хотя бы раз.

На миг воздух вокруг нее зашипел. Волосы на затылке встали дыбом, в то время как Элору затопило ощущение, что за ней наблюдают. Прежде чем она успела заглянуть в лес, сильный порыв ветра вырвал из ее рук рисунок рыцаря. Распахнув глаза, девушка подпрыгнула, пытаясь выхватить пергамент у воздуха.

Вместо этого еще один порыв ветра понес рисунок мимо поляны, где она тренировалась. Всего через мгновение он поплыл к передней части коттеджа ее семьи. Несмотря на грязь и листья, по которым ей пришлось пробираться, Элора не раздумывая помчалась за своим рисунком.

Ничто не могло помешать ей защитить этот пергамент, служивший осязаемым напоминанием турнира, который она надеялась выиграть.

Девушка спотыкалась о шуршащие листья и сухие ветки. Страница, наконец, перестала летать, обернувшись вокруг копыта гнедой лошади. Будущий муж не так давно прибыл на ней. Он и ее родители все еще обсуждали детали предстоящего брака. Лошадь, вероятно, не оценила бы, если бы незна-

комец схватил ее за ногу, но Элоре *нужна была* эта бумага.

Тяжелые удары отдавались в ее груди, когда она протянула руку. Как только она сжала пальцами страницу, лошадь встревоженно фыркнула. Животное щелкнуло зубами, едва не укусив Элору за руку. Та отступила как раз вовремя.

Несмотря на бешеный пульс, девушка улыбнулась. Она на мгновение прижала рисунок к груди, после чего сложила и аккуратно спрятала его под корсет.

Лошадь продолжала ржать, но облегчение девушки, казалось, немного успокоило ее. Элора сделала шаг назад и опустила голову. Протянув раскрытую ладонь, она позволила животному обнюхать себя, пока мышцы кобылы не расслабились.

— Элора. — Ее мать появилась в дверях коттеджа, одетая в свою лучшую голубую шаль. Она выразительно уставилась на покрытый пылью подол платья дочери, после чего повернулась к внутренней части дома. — Я выяснила причину испуга лошади. Элоре, должно быть, не терпелось познакомиться с ней.

Услышав звук приближающихся шагов, девушка встряхнула юбку, отряхивая бóльшую часть грязи. Только она выпрямилась, как в дверях рядом с ее матерью появился мужчина.

То, как засветилось лицо ее матери, могло бы осветить безлунную ночь.

— Элора, познакомься с Дитрихом Мерсером, твоим суженым.

Элора непроизвольно сделала реверанс. Она надеялась, что это скроет хмурое выражение, появившееся на ее лице. К тому времени, как она поднялась из реверанса, к ним присоединился и ее отец. Он закрыл за собой дверь коттеджа, и все трое шагнули к ней.

Мистер Мерсер был ниже ростом, чем ее отец, и имел менее выразительные черты лица. Его круглый живот торчал над поясом, а светлые вьющиеся волосы прекрасно сочетались с ярко-голубыми глазами. Но, похоже, единственным видом спорта, которым он когда-либо занимался, являлось написание писем. По крайней мере, он не выглядел таким старым, как ее отец. По возрасту мужчина казался гораздо ближе к ее отцу, чем к ней, но в нем все еще оставалось *немного* молодости.

Девушка покраснела, когда мужчина в ответ лишь кивнул. Каким-то образом ей удалось удержаться и не потянуться к мечу. Вместо этого она погладила каштановую гриву лошади своей влажной ладонью.

— Прошу прощения, если действовала не по правилам, но ваша лошадь привлекла мое внимание. Такое прекрасное создание.

Мама всегда говорила, что лесть может сгладить все.

Мистер Мерсер, пожалуй, согласился, потому что на его губах появилась легкая улыбка.

— У тебя отличный вкус. — Говоря это, он оглядел ее с ног до головы. Во всяком случае, у него хватило порядочности притвориться, что он смотрит на свою лошадь. — У этой кобылы сильные ноги,

которые пронесли меня через многие деревни. Она может тащить телегу, полную товаров.

— Впечатляет! — ее мать коснулась рукой ожерелья, от шока приоткрыв рот.

Это вызвало у мистера Мерсера еще бóльшую улыбку, прежде чем он снова повернулся к Элоре.

— Но обычно я беру двух коней, так что не сильно напрягаю эту.

— Как гуманно, — каким-то образом Элора переняла нежный тон матери. Меньше всего ей хотелось выходить замуж за незнакомца, но она не желала расстраивать своего суженого во время их первой встречи.

Мистер Мерсер шагнул вперед, чтобы погладить лошадь между глаз. Он бросил на девушку беглый взгляд и снова уставился на свою кобылу.

— Как только поженимся, возможно, мы сможем вместе покататься верхом. У меня есть потрясающий луг, где цветут прекрасные цветы.

Он снова посмотрел на Элору своими голубыми глазами, которые теперь засияли ярче. Девушка позволила уголку рта приподняться в улыбке.

— Мне бы этого хотелось. — Самым удивительным в этом заявлении было то, что оно оказалось правдой.

Эти слова, вероятно, придали ему смелости. Он сунул руку в кожаный мешок, висевший на седле.

— Я принес тебе книгу из моей библиотеки.

Когда он протянул ей в руки толстую книгу в кожаном переплете, Элора тихо вздохнула.

— У вас есть библиотека?

Выпятив грудь, мужчина кивнул.

— Да, твой отец сказал, что тебе это понравится.

Девушка оглянулась на отца, чьи редеющие каштановые волосы выглядели уже такими тонкими. Он коротко кивнул, сказав больше, чем могли бы выразить слова. Он обещал найти ей хорошего мужа, и пока все было не так плохо, как могло бы.

Отец откашлялся и многозначительно посмотрел на ее жениха.

— И ты сказал, что у тебя есть небольшой лес, где она каждый день сможет практиковаться в бою на мечах, верно?

Шея и лицо мистера Мерсера покраснели. Он наклонил голову и внимательно посмотрел на гриву лошади.

— Эм, да. Я могу обеспечить твою, — он искоса взглянул на Элору, — эксцентричность.

Она сжала кулаки, но сделала это под складками юбки. Отец обещал найти кого-то, кто позволил бы ей продолжать практиковаться в искусстве владения мечом. Ей следовало знать, что нареченный едва ли будет относиться к этому терпимо.

Тем не менее *эксцентричность* была одним из лучших слов, используемых для описания ее мастерства. Большинство людей считали, что женщине совершенно неприлично владеть мечом.

Мистер Мерсер откашлялся и пристальнее посмотрел на гриву своей лошади.